

МИХАЙЛОВА НАДЕЖДА ФЕДОРОВНА,
пенсионер, краевед

МАНОШИНЫ ИЗ ВЕЛИКОГО СЕЛА

Из истории развития лесной отрасли Вашкинского района до Октябрьской революции 1917 года: *«Организовывали лесозаготовки владельцы лесных массивов, так называемые лесопромышленники Громов, Сурин, Сукин, Балдин, Маношин, Полежаев. Они нанимали крестьян для заготовок леса – зимой и для проведения сплава — летом...»* [11].

Семейство упоминаемого выше *лесопромышленника* Маношина проживало в деревне Великое Село Покровской волости Кирилловского уезда Новгородской губернии.

Из истории Великого Села.

Деревня Великое Село располагалась на левом берегу реки Кемы в 10 км от впадения её в Белое озеро, в 10 км от центра Покровской волости села Покровское Кирилловского уезда Новгородской губернии. В середине XVI века Великое Село от одного из потомков князя Давида Кемского перешло в собственность Троицкого Усть-Шехонского мужского монастыря, располагавшегося на правом берегу р. Шексны, у самого ее истока из Белого озера, недалеко от затопленной слободки Каргулино. В дальнейшем многие монастырские владения были отобраны в государеву казну, и Великое Село стало *государевой вотчиной* [5;10].

Карта населённых пунктов
в нижнем течении р. Кема, упоминаемых в XVI веке

По переписи населения в 1906 году в деревне было 34 домохозяйства, число жителей составляло 167 человек, в том числе 83 мужчины и 84 женщины. Основным занятием населения было земледелие. В начале XX века в деревне было только три социально значимых объекта: хлебо-запасный магазин и две часовни: в честь Рождества Пресвятой Богородицы и во имя Святого великомученика Георгия [10].

В советские годы в Великом Селе не было ни одного социального объекта. Получать начальные азы образования дети ходили в Межегорскую начальную школу, расположенную в 1 км от Великого Села, а затем в Кемско-Заводскую семилетнюю школу в деревню Конёво за 4 километра. Ближайшие медпункт, магазин, клуб, почта находились в одном километре на другом берегу Кемы в Кемской Запани (Городок).

К 1939 году численность жителей деревни увеличилась до 252 чел., из них 106 мужчин и 146 женщин. Деревня попала в зону затопления при строительстве Волго-Балтийского водного пути и подлежала полной эвакуации. Первая партия переселенцев из Шольского района в количестве более 300 чел., в основном это были колхозники, была эвакуирована на

баржах от пристани Конёво 6 мая 1941 года. Из колхоза «Великое Село» в первую партию эвакуированных были включены четыре домохозяйства - 25 человек, в том числе 17 детей. В июне 1941 года из-за начавшейся войны, эвакуированные в Карелию жители Великого Села были возвращены домой, при этом свои жилые дома им пришлось выкупать, так как перед эвакуацией им была выдана денежная компенсация стоимости дома [4].

Затоплено Великое Село в 1963 году. Перед затоплением в деревне было 21 домохозяйство с общей численностью населения 64 чел. Почти все семьи переехали в новый посёлок Новокемский, расположенный вниз по Кеме, на берегу Белого озера [6].

Маношины из Великого Села.

Глава семейства Николай Александрович Маношин, основатель родовой фамилии *Маношины*, государев *крестьянин* по происхождению, имел в собственности лесные массивы (дачи). Земельными наделами (поместьями), в том числе, и лесными массивами, в царской России наделялись лица за службу на *благо Отечества*, в основном, это бывшие участники военных кампаний, а также призывавшиеся на государеву военную службу. Материалы составленной родословной семейства Маношиных позволяют сделать вывод о том, что Николай Александрович принимал участие в Русско-Турецкой войне 1877-1878 года, при выбытии на которую взял фамилию *Маношин*, а после возвращения, предположительно, получил земельный участок с лесным массивом (такие участки называли *дачами*).

Подтверждением крестьянского происхождения *лесопромышленника* Маношина являются записи в метрических книгах Благовещенской Кемосельской церкви за декабрь 1882 года: «...у *крестьянина Села Великаго Николая Александрова Маношина и его законной жены Ирины Кирилловой* родился сын *Николай*» [4].

Добротный двухэтажный деревянный дом Маношиных (на каменном фундаменте), стоял в центре Великого Села. Рядом с домом хозяевами были посажены тополя, выросшие к середине 20 века в величественные деревья и ушедшие при затоплении под воду вместе с деревней.

У Николая Александровича Маношина было 11 детей, из них два старших сына Иван и Григорий от первого брака (первая жена умерла после родов сына Григория), остальные от второго брака с Ириной Кирилловной (трое детей умерли в младенчестве). Ирина Кирилловна также умерла рано, и их младшая дочь Евдокия 1901 г.р. была отдана в малолетнем возрасте на воспитание в институт благородных девиц в Санкт-Петербурге [4; 6].

Все взрослые сыновья совместно с отцом занимались одним семейным делом – организацией лесозаготовок в своих лесных массивах и дальнейшей реализацией лесоматериалов на собственных судах класса «Мариинка». (Примечание: «Мариинка» – *деревянное речное беспалубное судно (баржа) слабой конструкции, длиной 47-50 метров и грузоподъёмностью до 600 тонн. Использовалась на Мариинской водной системе, откуда и название данного типа судов*) [3].) На заготовку леса и погрузку его для дальнейшей отправки в Кронштадт, Санкт-Петербург, другие регионы страны семья, естественно, привлекала наёмных работников.

В Российском государственном историческом архиве выявлены документы об инциденте, произошедшем в 1910 году с судном, принадлежащим Н.А. Маношину. Выписка из резюме, составленном специалистами РГИА на основании архивных материалов: «*12 августа 1910 г. (ст.ст.) на Мариинском водном пути казённый баркас «Кама», двигаясь ночью в условиях ограниченной сильным туманом видимости вдоль ходового берега, наскочил на мель. Ткнувшись носом, казённый баркас, вследствие резкого разворота корпуса судна, пробил стоявшую у противоположного (не ходового) берега на ночлеге «Мариинку», гружёную берёзовыми дровами, которая тут же и затонула. Затонувшее с грузом судно принадлежало*

*Новгородской губернии Кирилловского уезда Покровской волости деревни Великого села крестьянину **Николаю Александрову Маношину**, который вёз на нём дрова, поставлявшиеся им по договору подряда в Санкт-Петербург. Последствия аварии судовладелец Маношин устранил своими силами.... Понесённые расходы в размере 230 руб., сопутствующие издержки, проценты, а также убытки из-за несвоевременной поставки им покупателю вымокших дров, Маношин включил в сумму претензии, а затем и судебного иска к Казне, которая в итоге составила 780 руб. 75 коп. Несмотря на кажущуюся очевидность ситуации, представители Казённого ведомства, явно не желая принимать на счёт Казны означенные расходы, нашли возможность уйти от ответственности и возмещения ущерба...». Судебная тяжба длилась почти 5 лет, и в результате «...Петрозаводским окружным судом, рассматривавшим иск, авария была квалифицирована как «неизбежная на водных путях случайность», где виновниками произошедшего... фактически оказались «все и никто», а значит, и компенсировать ущерб никто никому не должен...». В итоге Н.А. Маношин не только не получил возмещения понесённых им убытков, но и по встречному иску был вынужден принять на свой счёт все судебные издержки Казны которые на момент взыскания их в 1915 году 119 руб. 63 коп. В документах РГИА об аварии упоминаются так же сыновья Николая Александровича Иван и Николай, совместно ведущие с ним бизнес [9].*

Глава семейства **Маношин Николай Александрович** 1856 г.р. и его дочь Надежда 1885 г.р., инвалид детства, проживали после революции в семье сына Николая. Родовой дом у семьи был национализирован для нужд советской власти. Незадолго до этого, возможно, предвидя будущее, второй этаж дома был разобран и перевезён в город Белозерск для младшей дочери Евдокии, вышедшей туда замуж после возвращения из института благородных девиц. (Примечание: дом, построенный из перевезённого материала, сохранился до настоящего времени на ул. Малозёмова).

По воспоминаниям старожилов, в начале 1950-х годов *Маношинский дом* в Великом Селе (его так и называли в деревне) стоял уже без окон и дверей, а в хозяйственной пристройке сохранился большой жернов, на котором ночами местные жители мололи зерно, выращенное на личных приусадебных участках. Во второй половине 50-х годов дом был куда-то перевезён, а каменный фундамент его сохранился до самого затопления Великого Села. Уроженец Великого Села Н.П. Кириллов вспоминает, что когда они спрашивали у своей учительницы начальных классов про семью, которая жила в доме у тополей, она отвечала, что им лучше этого не знать... [6]

Совместный труд всех членов семьи позволил создать крепкое хозяйство, что после революции 1917 года послужило основанием для применения репрессий в отношении семейства с целью ликвидации их как помещиков (*кулаков*). Глава семейства Маношин Николай Александрович и все взрослые члены семьи были лишены избирательных прав с 1918 года вплоть до 1930 года. В списках *лишенцев* в 1929 году значилось 13 человек Маношиных: глава семьи Маношин Николай Александрович 1855 г.р., шесть его детей: Григорий, Иван, Николай, Надежда, Пётр и Андрей; четыре невестки и внуки – Осип 1909 г.р., Зинаида 1904 г.р.

Семьи братьев Маношиных облагались сельхозналогами в индивидуальном, то есть повышенном до 100 процентов, порядке, у них изымались излишки зерна. В архивных документах имеются сведения о многочисленных обращениях членов семьи Маношиных к районным, губернским властям, а так же и в правительственные органы, по снижению налогового бремени, восстановлению их в избирательных правах, необоснованному выселению и т.д. Но, как правило, все они оказывались безрезультатными. В большинстве случаев, после таких обращений меры репрессий к семье наоборот усиливались.

После принятия в марте 1925 года ЦИК и СНК СССР постановления «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в

принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» отношение властей к семье Маношиных резко обострилось. Хотя в самом постановлении говорится, что на бывших землевладельцев данное постановление не распространяется, если они работали на земле со своими семьями, с применением лишь добавочного наёмного труда (без кабальных отношений), почти все семьи Маношиных были включены в списки лиц, подлежащих выселению. Во исполнение данного постановления власти должны были завершить выселение до 1 января 1926 года. В списках бывших помещиков, подлежащих выселению согласно постановлению Череповецкого губернского исполкома, в разделе фактически выселенных на 14 октября 1926 года по Белозерскому уезду имеются две строки, в одной указаны *братья Маношины из В. Села*, в другой *Маношин А.* В обеих записях не указаны имена, состав семьи и место высылки. На основании документов из других фондов Череповецкого центра хранения документации удалось установить, что в записи о *братьях Маношиных* речь шла о братьях Андрее, Григории и Иване. В вышеназванном постановлении чётко оговорён порядок отношения к имуществу выселяемых лиц: *«...Постройки, живой и мёртвый инвентарь и проч., приобретенные самими пользователями, признаются собственностью последних и могут быть вывезены ими или проданы на месте ... Предметы домашнего обихода, не входящие в состав принадлежностей сельского хозяйства (носильное платье, белье, мебель, книги, домашняя утварь и т.п.), а также предметы питания отобранию не подлежат».* Фактически у семей Маношиных было описано исключительно всё имущество, даже носовые платки и комнатные растения в горшках [3; 4].

Предположительно, глава семейства Маношин Николай Александрович и его дочь Надежда были выселены в Сибирь одновременно с семьёй Николая Николаевича Маношина и скончались в пути. В документах Коневского сельского совета Шольского района за 1940 год ни одной семьи Маношиных в деревне Великое Село не значится [4].

Старший из братьев **Иван Николаевич Маношин** родился в 1876 году, жена - Наталья Ивановна, у супругов было четыре дочери и сын, одна из дочерей и сын умерли в младенчестве. Из архивных материалов следует, что основная доля *семейного бизнеса* стала принадлежать И.Н. Маношину, в частности, суда класса «Мариинка», одно из них было национализировано уже в 1918 г. В 1917 году по найму на судне, принадлежавшем Ивану Николаевичу, работал шкипером его брат Николай. Иван Николаевич несколько лет опекал семью брата Григория, являющегося инвалидом 2-й группы. До 1929 года семья проживала в Великом Селе, а затем переехала в г. Белозерск, где у них был собственный дом на улице 3-го Интернационала. В 1930- 1931 гг. Иван Николаевич с семьёй был выселен в Сибирь, но при помощи знакомых им удалось бежать в Кострому, а в дальнейшем перебраться в Ленинград. Иван Николаевич устроился на работу дворником, получив при этом небольшую жилплощадь. Во время Великой Отечественной войны семья с тремя дочерьми была эвакуирована в Кострому, в 1947 году возвратились в Ленинград. Скончался И.Н. Маношин в 1948 г., жена его умерла в 1946 году. Дочь Екатерина, в браке Новожилова, проживала с мужем и тремя детьми в Череповце. Дочь Вера, в браке Чернюгова, и дочь Капитолина, в браке Тихонова, проживали с семьями в Ленинграде [4; 7].

Маношин Григорий Николаевич 1878 г.р., жена – Агриппина Ивановна, у супругов было два сына – Николай 1905 г.р. и Иван 1916 г.р.

Г.Н. Маношин в 1924 году ссылался на пять лет в Архангельск, как указано в архивном документе за то, что *«отдавал землю в аренду лишенцам – не имеющим права пользоваться землёй...»*. Григорий Николаевич являлся инвалидом 2-й группы, предположительно по причине немоты. Как и все взрослые члены семьи Маношиных Григорий Николаевич был лишён избирательного права. Он неоднократно обращался по вопросу восстановления его в избирательных правах в различные инстанции. В 1929 году в заявлении, адресованном прокурору Белозерского участка по вопросу

незаконного лишения его избирательного права Григорий Николаевич пишет: «...лишенцем голоса быть не мог, потому, как сама природа лишила меня с 1912 года, на что имеются документы клиники от 22 августа 1915 года... Получал пенсию 10 руб. до 1 апреля 1929 года, а теперь отказали, работать не могу. Торговцем-лесопромышленником никогда не был, с братьями Маношиными ничего общего не имею, живу отдельно. Сын Николай 23 лет получает высшее образование, сын Иван 14 лет учится ...».

К заявлению приобщена справка из лечебного учреждения, подтверждающая, что «Григорий Николаевич Маношин с 29 июня по 22 августа 1915 года находился на лечении в физиотерапевтической лечебнице, страдает органическим поражением головного мозга». В 1930 году Григорий Николаевич обращался в Шольскую районную избирательную комиссию с заявлением о восстановлении в избирательных правах, но постановлением комиссии от 1 июля 1930 г. ему отказано «как члену семьи бывшего лесопромышленника». У семьи Григория Николаевича решением сельской комиссии содействия хлебозаготовкам от 10 октября 1929 года были изъяты излишки зерна в размере 38 пудов. Последний архивный документ о семье Г.Н. Маношина датирован 21.07.1930 года - опись имущества семьи на общую сумму 485 руб., подготовленного к реализации с торгов, при этом у некоторых вещей уже указаны будущие владельцы - члены комиссии, производившие опись имущества [4]. Установить, куда была выселена семья Г.Н.Маношина, не удалось. На сайте Министерства обороны имеются сведения, что младший сын Григория Иван Григорьевич Маношин был призван в ряды Красной Армии на действительную военную службу 11 ноября 1937 года, на фронте с первых дней войны, воинское звание техник-лейтенант, награждён медалью «За оборону Ленинграда», погиб 23.03.1943 г. В сведениях о военнослужащем указан близкий родственник - Бубнов. Возможно, к началу войны родителей и старшего брата Николая уже не было в живых, и как сложилась их судьба после 1930 года - неизвестно [4; 7; 8].

Маношин Николай Николаевич родился в 1882 году. Жена – Маношина Мария Дмитриевна 1880 г.р. У супругов было пять детей: Иосиф 1909 г.р., Елизавета 1911 г.р., Анна 1915 г.р., Анастасия 1917 г.р. и Галина 1920 г.р.

В ГАВО находится архивное дело Н.Н. Маношина, в котором имеются многочисленные документы, свидетельствующие о том, что к семье Николая Николаевича советскими властями постоянно применялись меры административного воздействия: лишение избирательного права, завышенное обложение налогами, изъятие излишков зерна и т.д. Николай Николаевич на протяжении многих лет старался отстоять свои права, обращаясь во все органы власти. Усугубляло положение этой семьи не только давление властей, но и уничтожение практически всего имущества в результате пожара в 1923 году и другие несчастья, выпавшие на их долю. Выписка из справки Конёвского сельского совета от 16 октября 1923 года: *«Маношин Ник. Ник. пострадал от пожара, сгорело две кладовые со всем имуществом и хлебом, утонула лошадь, корова погибла в лесу. У семьи дом нежилрой, без полу, потолка и двора. Лошадь и две коровы куплены в рассрочку. Земли в хозяйстве на одну надельную душу, хлеба имеется до 1 января. Хозяйство нуждается в общественной помощи»*. Справка заверена подписью председателя и печатью сельского совета. Ниже приведены выдержки ещё из некоторых документов архивного дела. Выписка из протокола сельской комиссии содействия хлебозаготовкам от 10 октября 1929 г.: *«...С Маношина Ник. Ник. излишки зерна изъять в срок до 15 октября в размере 60 пудов»*. В заявлении, направленном в Череповецкую окружную избирательную комиссию 14 ноября 1929 года Николай Николаевич просит восстановить его в избирательных правах. К заявлению приобщена справка, заверенная подписями 15-ти жителей деревни Великое Село и печатью Конёвского сельского совета, что Маношин Николай Николаевич торговлей не занимается, наёмный труд не применяет, оставшуюся у него землю в размере 2,42 десятины обрабатывает своей

семьей. Выращенного хлеба даже при хорошем урожае не хватает на год. Ранее Николай Николаевич обращался с аналогичным заявлением в Шольскую районную избирательную комиссию. Но положительного решения не получил. За отстаиванием своих прав Н.Н. Маношин 9 апреля 1930 года обратился в Ленинградский исполнительный комитет с жалобой на действия районных и окружных органов, в которой очень подробно изложил свою жизнь: *«... Мой отец действительно лесопромышленничал до революции, но со своим сыном и моим братом Иваном, до 1915 года я у них был в качестве доверенного или десятника. В 1915 году, не поладив с отцом и братом, я уехал от них и начал жить самостоятельно, поступив на работу инструктором в бывшее Новгородское Управление Государственными имуществами, находясь там, на службе до 1917 года, а в 1917 году работал шкипером на судне у брата. После ликвидации дела брата в 1918 году.... В 1919-1921 годах я работал в Водном Транспорте надсмотрщиком, при чём, в течение выше указанных лет, находясь на работе, я одновременно занимался и хлебопашеством. В 1922 году я ушёл с советской службы и занялся исключительно крестьянством. В 1923 году я выгорел дотла: всё моё имущество было уничтожено. С большим трудом мне удалось восстановить хозяйство, имея на руках семью из 9 человек, при чём, трудоспособных только 4 человека: я с женой и сын с дочерью; отец 76 лет и сестра-инвалидка, тот и другой нуждаются в уходе. Таким образом, с самого начала Революции я имею среднее существование от своего общественно полезного труда. От отца я зависел только задолго до Революции, и поэтому, считая, что я, как всё время живущий в течение 15 лет на свои доходы не подлежу лишению избирательных прав, а посему и прошу Ленинградский Областной Исполнительный Комитет решение Череповецкого Окрисполкома отменить, и в избирательных правах меня восстановить»*. Постановлением Президиума Ленинградского облисполкома от 9 мая 1930 г. Маношин Николай Николаевич был восстановлен в избирательных правах [4].

В 1930-м году советские и партийные органы власти ужесточили внимание к вопросам коллективизации и активизировали борьбу с *так называемым кулачеством*, к которому были отнесены и крепкие крестьянские хозяйства, созданные за счёт совместного семейного труда. Имущество подлежащих раскулачиванию семей зачастую передавалось во вновь организованные сельхозартели или продавалось на торгах в счёт погашения завышенных налогов, которые семья не имела возможности уплатить. Такая участь постигла и семью Н.Н. Маношина. Постановлением учётно-сельской налоговой комиссии хозяйство было привлечено к налогообложению за 1930 год в индивидуальном порядке в сумме 500 руб. 25 коп. вместо исчисленного по существующим нормам с/х налога в размере 20 руб. 75 коп. по следующим основаниям – *«как бывшего лесопромышленника имевшего свои пароходы, систематически применяющего наёмный труд, лишенец»*.

Последний архивный документ в деле Н.Н. Маношина - опись имущества семьи от 17 февраля 1931 г. на общую сумму 727 руб. 65 коп. По воспоминаниям родственников, Маношин Н.Н. с женой и тремя младшими детьми - Анна, Анастасия и Галина, в 1931 году были выселены из Великого Села в Сибирь. Старшие дети Иосиф и Елизавета к этому времени уже были семейными и проживали за пределами Шольского района. Николай Николаевич, Мария Дмитриевна и их дочь Анна умерли в пути, места их захоронения неизвестны. Галина попала в детский дом в Иркутске. Оставшуюся круглой сиротой Анастасию Маношину, которой тогда было 14 лет, возвратили обратно на родину, и её взяли в свою семью Хохряков Яков Яковлевич и его жена Евдокия Николаевна из Белозерска. Евдокия Николаевна была родной тётёй Анастасии, но, видимо, боясь репрессий, девочке об этом не говорили, и до своей смерти она считала себя приёмной дочерью Хохряковых [4; 7; 8].

Маношин Андрей Николаевич родился 11 ноября 1887 года. На сайте об участниках Первой мировой войны выявлены сведения о том, что

Андрей Николаевич Маношин в 1916 году был мобилизован в действующую армию на войну. Воевал в составе 413 Порховского пехотного полка, 104 пехотной дивизии, принимавшей в 1916 году участие в Ковельском сражении в рамках знаменитого Брусиловского прорыва Юго-Западного фронта. В списке потерь 413 Порховского полка за период с 15 по 31 декабря 1916 года под номером 7 значится *«рядовой Маношин Андрей Николаевич, православный, женат»* [3]. Каким образом Андрею удалось остаться в живых и возвратиться домой неизвестно. В упомянутых выше списках бывших помещиков, фактически выселенных на 14 октября 1926 года по Белозерскому уезду, имеется следующая запись: *«Маношин Андрей из Кемской волости выселен 3 апреля 1926 года...»* без указания места высылки. А.Н. Маношин направлял в Смольный жалобу о незаконном выселении, но документов о результатах обращения в архиве не обнаружено. Вместе с тем, в списках лишённых избирательных прав 1929 года Андрей Николаевич Маношин вновь значится [4; 12]. На сайте «Бессмертный барак» выявлены сведения о том, что Маношин Андрей Николаевич был арестован 25 февраля 1938 года. Перед арестом проживал в п. Вознесенское Ленинградской области, работал десятником стройконторы. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области 14 марта 1938 г. приговорен по ст. ст. 58-8-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинград 18 марта 1938 г., учтён в 9 томе Ленинградского мартиролога [1]. Судьба жены Андрея Николаевича Маношиной Марии Васильевны 1893 г.р. и их дочери Азы 1924 г.р. неизвестна.

Маношин Пётр Николаевич 1890 г.р., жена – Маношина Маремьяна Сикстовна 1894 г.р., дети: Вера 1923 г.р. и Александра 1929 г.р. Семья первоначально проживала в Великом Селе, а затем переехала в м. Конёво, расположенное недалеко от Великого Села. Пётр Николаевич и Маремьяна Сикстовна были лишены избирательных прав, у семьи изымались излишки зерна, хозяйство облагалось налогами в индивидуальном порядке по основаниям, *как под копирку*, указываемым у всех Маношиных - *«член*

семьи бывшего лесопромышленника, имеющего свои пароходы, лишенец, систематически применяемый наёмный труд». К примеру, на 1930 год хозяйство Маношина П.Н. решением учётно-налоговой комиссии было привлечено к налогообложению в размере 300 руб. вместо исчисленного в обычном порядке налога в сумме 11 руб.85 коп. Пётр Николаевич направлял заявление в Череповецкую окружную комиссию о неправомерном обложении его дополнительным с/х налогом в индивидуальном порядке, но в просьбе было отказано. Последний документ в архивном деле Маношина П.Н. - опись имущества его семьи на общую сумму 791 руб. 50 коп. с отметкой о продаже с торгов части имущества в мае 1937 года. Дальнейшая судьба Петра Николаевича Маношина после 1937 года неизвестна. Маремьяна Сикстовна Маношина с дочерьми в 1942 году прибыла по эвакуации из Петрозаводска в Шольский район и была размещена на проживание в деревню Великое Село [4, журнал учёта населения, эвакуированного в 1942 году в Шольский район, записи №№ 3196-3198]. После окончания войны Вера возвратилась в Петрозаводск, а Маремьяна Сикстовна с младшей дочерью переехала в д. Погорелое Кемского с/с Шольского района. В лицевом счёте по хозяйственной книге деревни за 1946 год указаны только Маремьяна Сикстовна, как глава семьи, и дочь Александра Петровна 1929 г.р. После смерти Маремьяны Сикстовны в феврале 1946 года дочь выбыла в Петрозаводск [2]. Сведений о судьбах Веры и Александры установить не удалось.

Маношин Михаил Николаевич, 1898 г.р. с женой Александрой Михайловной проживали до 1919 года в деревне Великое Село, затем в д. Александровка (Александровское) Ковжинского сельского совета Шольского района. Из архивных документов следует, что в 1917-1918 годы Маношин М.Н. служил в армии, получил ранение в руку (примечание: в какой армии служил Михаил Николаевич не указано. По воспоминаниям родственников, кто-то из братьев Маношиных служил в белой армии, но точных сведений нет). Михаил Николаевич был лишён избирательных прав, хозяйство

облагалось налогами в индивидуальном порядке. Обращения его в районные и окружные органы власти по восстановлению в избирательных правах и снижению налогов результатов не дали. Тогда Михаил Николаевич направил жалобу в Ленинградский облисполком. Выписка из протокола Президиума Ленинградского облисполкома о рассмотрении жалобы: *«...решение Шольской РНК от 24.03.1930 г. отменить, предложить РНК произвести расследование в части выявления фактического неземледельческого заработка, и пересмотреть вопрос об их привлечении в общем порядке, индивидуальное обложение снять, налог перечислить, переплату вернуть»*. Но власти на местах решили по-своему: одним днём - 26 ноября 1930 года состоялись заседание Президиума Шольского РИКА и заседание сельского комитета бедноты, на которых были приняты одинаковые решения: *«... дополнительное обложение Маношина М.Н. в индивидуальном порядке считать правильным и оставить налог в прежнем, увеличенном размере, а жалобу гр. Маношина М.Н. отклонить»*.

Имущество Маношина Михаила Николаевича было описано ещё весной 1930 года до обращения его с жалобой. Опись от 10 марта 1930 года содержит 48 наименований имущества на общую сумму 1443 руб. На описи имеется отметка о продаже части вещей с торгов: кровать за 50 руб., сани с кибиткой - 20 руб., нетельная кожа – 9 руб., стол крашенный – 4 руб., сундук – 6 руб. (оценен был 10 руб.), всего продано на 90 руб. [4]. Дальнейшая судьба Михаила Николаевича, его жены и детей, если они были, неизвестна.

Не применялись напрямую репрессивные меры лишь к младшей дочери Маношина Николая Александровича - **Евдокии Маношиной** (в браке **Хохряковой**), так как в этот период она уже была замужем за Хохряковым Яковом Яковлевичем и проживала в Белозерске. У супругов было 4 сына. Евдокия Николаевна работала в годы войны заведующей детским домом, а потом детским садом. Единственной вещественной памятью о лесопромышленнике Маношине является набор золотых чайных ложек, подаренный им Евдокии Николаевне на свадьбу. Всего в наборе было

12 ложек, но в годы войны 1 ложку Евдокия Николаевна продала для покупки продуктов, а остальные поделила между двумя сыновьями [7].

Поиски сведений о *лесопромышленнике* Маношине были начаты мною два года назад по просьбе его правнучки Людмилы Валентиновны Рассказовой (до брака Хохрякова), проживающей в г. Муром. Людмила Валентиновна по крупицам собирает сведения о своих родовых корнях и до недавнего времени о своём прадеде знала лишь его имя и фамилию и то, что он был родом из нашего края, недалеко от местечка Конёво. В результате проделанной работы составлена родословная семейства, в которой около 100 человек, из них проживают в настоящее время 50, а носят родовую фамилию менее 10 чел. К настоящему времени восстановлены связи с потомками трёх детей лесопромышленника Маношина – Ивана, Николая и Евдокии, проживающими в Санкт-Петербурге, Москве и Московской области, Карелии, Костроме, Рыбинске, Владимирской и Вологодской областях, в Харькове

В г. Муром 10-13 июня 2023 года в доме у Рассказовых состоялась первая встреча представителей рода Маношиных, на которую приехали 17 человек. Из общего числа участников встречи 11 человек являются кровными потомками рода в 8-10 поколениях, среди них и мои внуки, дети сына. Перед поездкой на встречу мною были подготовлены 10 папок с родословной Маношиных, архивными материалами о семье и историей Великого Села. Все папки нашли своих адресатов.

Список источников и литературы

1. «Бессмертный барак», сайт bessmerthybarak.ru (дата обращения 10.10.2022 г.)
2. Вашкинский районный муниципальный архив. Ф.109.О.2.Д.24
3. Википедия и другие интернет-ресурсы.

4. ГАВО.Ф. 496. О. 22.Д. 1. Д. 11. Д.22; О. 43. Д. 33. Ф. 859.О. 1. Д.19;
О. 2. Д.Д. 11. 184. 185. 186. 187. 188. 189. Ф.1268. О.5.Д.236. Ф.2185. О.2.
Д.10. Ф. Р-3105. О.1. Д. 49.

5. Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV – XVI
в./Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр.отд-ние.- М.; Л.: Изд-во Акад.
наук СССР. 1951 г.

6. Материалы из личного архива Н.Ф. Михайловой.

7. Материалы из семейного архива Рассказовой Л.В.

8. «Мемориал», сайт obd-memorial.ru (дата обращения 10.10.2022 г.).

9. РГИА. Ф. 190. О.4. Д. 9948

10. Списки населенных мест Покровской волости Кирилловского уезда
Новгородской губернии за 1911 год. Изд-во Новгородстата, 1912.

11. Трофимов В.А. «Развитие лесной отрасли в Вашкинском районе»,
сайт <http://ParnasS.ru> (дата обращения 27.03.2022 г.).

12. Череповецкий фонд хранения документации. Ф. 2-р.О. 6. Д.30. Ф.
807. О. 1. Д.29